

Философское открытие

На Вову Иванова очень рано снизошла Истина, и он не знал, что с ней, этой истиной, делать. Но это случилось уже в зрелом возрасте, а в детстве было у Вовы всё как у всех.

Учился в обычной ленинградской школе и жил с родителями-рабочими в питерской восьмикомнатной коммуналке где-то в старой части города. Был он очень поздним ребенком, и родители мечтали, что, закончив школу, станет их чадо, в котором души не чаяли, врачом. Парнишкой он был живым, немножко хулиганистым, но учился хорошо, и очень много читал.

Закончив школу, Вова, как и хотели того родители, пошел по медицинской части, но не стал штурмовать институт, уж очень «немедицинская» у него была фамилия, а по-мужицки рассудительно подал документы в медучилище.

Он без труда поступил в этот девичий «заповедник», так как юношей, желающих учиться здесь, было всего трое.

И закрутило Вову, и завертело. Юные служительницы бинта и скальпеля, познав стыдливо скрываемые тайны строения человеческого тела, отбрасывали все ненужные рамки приличия и старались поспешно познать наслаждения, которое это тело может подарить.

Две трети будущего младшего медицинского персонала были пришлые в этом городе и жили в общежитии, которое имело громкую славу, выходящую далеко за границы района. Нравнодушны были к этому «приюту любви» и солдатики, и морячки, и пэтэушники, которые всеми правдами и неправдами карабкались по водосточным трубам и связанным простыням. Иногда даже срывались, но ничто не могло остановить их в стремлении к этой короткой, как зимний полярный день, любви.

Вова же имел неоспоримое преимущество перед чужаками и мог беспрепятственно посещать запретное заведение, чем и пользовался с превеликим удовольствием все два года учебы, пролетевшие как миг.

Однокашницы не стеснялись Вову, и он был свой парень, «палочка-выручалочка», - именно так и называли его за глаза юные медички, еще «анальгином» звали. В-общем, познал сполна будущий медбрат тайн плотской любви. Это и дало ему возможность сделать первый базовый и фундаментальный философский вывод: «Зачем любить, зачем страдать, коль все пути ведут в кровать...»

И Вова исключил из своей будущей жизни женщину как спутницу жизни и фактор Бытия, оставив лишь досадную необходимость физиологической близости, и воспринимал противоположный пол лишь «горизонтально», как любил потом приговаривать.

В институт он поступить не успел. Пришли те, кто приходит без приглашения, и отправили Вову на срочную службу, отдать должок родине. Отдавал его медбрат в московском гарнизонном госпитале на посту помощника патологоанатома в морге, миновав положенную учебку. Какими-то военно-бюрократическими хитросплетениями он был причислен к флоту, служил три года, носил морскую форму, и был единственный, кто

выделялся черным внешним видом на весь зеленовато-солдатский гарнизон. Моря и кораблей Вова так и не увидел.

Начальником морга, чьим единственным помощником был матрос Иванов, был «вечный капитан» Брызгалов, который был всегда молчалив, как гранитная плита, если не успел принять мензурку чистого медицинского спирта. Поэтому утреннее возлияние было ежедневным неоспариваемым ритуалом. Вовчик вынужден был приобщиться к таинству, но алкоголических предрасположенностей в себе не обнаружил, поэтому это не стало его привычкой на гражданке. На службе же весьма скрашивало серые патологоанатомические будни.

Работы хватало, так как везли «жмуриков» со сложными случаями со всей необъятной советской родины. Капитан, хватив мензурку, отчего его нос становился багрово-сизым, выдыхал: « Пошли пластать». И они шли. Вовин командир был хорошим специалистом.

Закончив «работу», капитан водружал, куда придется, иногда прямо на чьи-то бранные останки, банку рижских шпрот и пакет с солеными огурчиками, принимал в себя более значительную мензурку допинга, морщась от удовольствия и похрустывая закуской, начинал вещать: «Что есть наша жизнь, Вова?» Далее, следовал философский спич, каждый раз новый, мыслитель никогда не повторялся.

Вот так Истина очень легко коснулась своим крылом матроса Иванова, и он понял всю бессмысленность человеческих усилий на сложном и многотрудном жизненном пути, каждый день взирая на конечные итоги этих человеческих судеб.

Три года службы прошли быстро, без всяких воинских тягот и «дедовских» осложнений, так как в казарме, куда матрос приходил лишь ночевать, сослуживцы панически боялись и сторонились труженика страшного заведения, даже сержанты-командиры.

Отслужив срочную, матрос вернулся в родной Питер. Родители его к тому времени вышли на пенсию и очень сильно постарели, привыкая к своей стариковской ненужности обществу.

Бездна Истины зияла вдалеке мерцающими звездочками загадок и вопросов, маня Вову своей неизведанностью. И бывший матрос Иванов подал документы на философский факультет Ленинградского университета. Конкурс сюда был не так уж и велик, не слишком много было желающих постигать суть Бытия. Поступил с первого раза.

Учился Вова долгих восемь лет, уходя иногда в академотпуск и совмещая учебу с работой. А работал он и кочегаром, и мясником, и смотрителем пляжа, и вахтером. Много профессий перебрал и освоил. Так как профессия «философ» была не востребована в народном хозяйстве, то и по окончании университета искатель истины еще долго перебирал разные места, выбирая либо денежные, либо сидячие, чтоб можно было читать.

Родители за время учебы тихо один за другим ушли из жизни, и Вова остался один. Семью заводить не собирался, так как следовал своему базовому философскому выводу: не пускать женщин в свою жизнь. В коммуналке ему остались две комнаты, в которых он и намерен был жить далее, не собираясь менять на отдельную квартиру в новостройках.

Сообщество соседей на редкость было тихим: старики, одинокая старая дева, с которой философ иногда удовлетворял досадную физиологическую необходимость, да одинокий алкаш - бывший ученый-физик, который иногда терял чувство времени и мог в неурочный час запеть басом, но тут же успокаивался.

Почти всё было в жизни философа стабильно, кроме работы. Но и этот вопрос разрешился как-то вдруг и совершенно случайно.

Зайдя в жаркий летний день в пивнушку утолить жажду, Вова услышал за соседним столиком очень бойкий и живой разговор алкашей-завсегдатаев, один из которых упоительно расписывал своё пребывание в дурдоме. Его возвращение и отмечала честная компания. Чистый и опрятный пока герой дня, манерно поправляя живописные длинные локоны, которые искрились на просвет от луча солнца, бьющего из окна пивнушки, живописал плюсы регулярного питания и режима дня.

Вову осенило: «Это то, что надо!», и он откинул тут же надежду устроиться в пожарную охрану, где по большому знакомству ему обещали место, но месяц шел за месяцем, а вакансия всё не освобождалась.

Откладывая в долгий ящик задуманное философ не стал, и быстро двинул домой за дипломами и трудовой книжкой. Первое, что вспомнил из подобных заведений, была старейшая психиатрическая больница №2, именуемая в народе «Пряжка», так как расположена на берегу иссыхающей одноименной речки. Туда и пошел Вова.

На удивление, к главному врачу, седому и с холеной бородкой доктору, он попал легко и быстро. Посмотрев на заслуги в виде двух дипломов, главный нисколько не удивился, а задал лишь важный для себя вопрос: «Как с этим делом?», щелкнув себя по горлу. Получив от философа ответ, что никаких проблем нет, доктор, сомнительно мотнув головой, изрек: «Если что, подлечим».

Тяжело было в больнице с мужским медперсоналом, зарплата не внушала к себе уважения.

Для Вовы же этот факт не был препятствием, так как жизнь его была малозатратна. Одевался он очень скромно, без всяких претензий и в госторговских магазинах, ел немного, книги были тогда дефицитом. Тратить деньги ему было некуда, и он складывал их на сберкнижку.

Позвонив по телефону неведомой Марианне Абрамовне, и дождавшись её, главврач тут же и передал новоиспеченного медбрата новой начальнице, которая повела его в отдел кадров, и Володя Иванов обрёл свой профессиональный причал.

Получив высшее философское образование, Вова не нашел ответов на извечные вопросы Бытия ни у Ницше, ни у Канта, ни у прочих философов всех времен и народов. Промежуточным итогом всех его размышлений было то, что всё в этом мире ложно, и придумано людьми, дабы усложнить самим себе жизнь.

Истину же человеку познать не дано, а потому нужно просто жить и никуда не стремиться. На эту важную основу философ взгромоздился и стоял на ней, не собираясь покидать. Новая работа придавала устойчивость этой философской конструкции.

Первый выход на дежурство в отделение №16, где, по легендам, закончил свою жизнь Гоголь, ничем не поразил медбрата. Его сразу же посадили на самый ответственный пост – в надзорную палату, где он и просидел немало лет. Это был подлинно мужской пост, так как иногда требовалась физическая сила.

Шестнадцатое отделение представляло из себя длинный коридор с двумя палатами с каждой стороны. В другом конце коридора была столовая с телевизором и кухней, из амбразуры которой подавались тяжелые металлические шлёмки-миски с пищей. Еще по разные стороны были кабинеты врачей, медперсонала, процедурная, туалеты и несколько хозяйственных подсобок. В каждой из четырех палат стояло примерно по двадцать коек. В надзорной чуть меньше. Там лежали временно буйные и вновь прибывшие, за которыми дней десять наблюдали, а потом перемещали в общие палаты.

Если кто-то вдруг решал побуйствовать, то его быстро успокаивали горячим уколом - сульфазиним, по-простому «серой». Буйный становился враз тихим, и лежал с неделю пластом с температурой под сорок. Этим же препаратом «лечили» диссидентов и прочих инакомыслящих. «Мозги хорошо прочищает», - говорили про «серу» врачи. Средство это было невероятно болючим и сильным, и тот, кто его испытал на себе, никогда не мог этого забыть. Слово «сера» действовало на всех очень успокаивающе.

Контингент делился на несколько групп, одна из которых - демоны. Это и были дураки, вечные обитатели этого заведения. Они пребывали в своем только им ведомом мире, и было их не очень много. Демоны ходили-бродили по больничным коридорам, никому ничем не мешая, увертываясь от сыпавшихся слева и справа затрецин, которые щедро раздавали им алкаши.

Это другая и очень многочисленная группа контингента. Они были здесь постоянными гостями, отъедаясь месяца два-три кашами, и получая часто больничный лист, так как многие были трудоустроены. Получалась двойная выгода: поправляли здоровье, и находили деньги на предстоящую длительную пьянку.

Еще были здесь «долгожители» - вполне нормальные и очень образованные люди, у некоторых, возможно, и были какие-то психические аномалии, но с ними можно было бы жить и за этими стенами. Эта группа больных включала в себя и инакомыслящих, которых «лечили» здесь годами.

Весь этот контингент много читал, дискутировал на сложные интеллектуальные темы и пил чифирь. В питании не был ограничен, так как родственникам было разрешено посещение. Ограничен был лишь свободой передвижения вне этих стен, но взамен этого мог говорить, не боясь, на любые темы и высказывать любые мнения. Запрещенная литература лежала здесь свободно на тумбочках, и врачи заимствовали её у «больных» для повышения самообразования. Здесь была свобода. Дурдом ведь.

Философское открытие посетило Вову Иванова после многих лет работы, когда он перестал смотреть на здешних обитателей как на контингент. Произошло это после какого-то бюрократично-жестокоего случая, произошедшего с ним где-то в коридорах власти. Как пелена упала с глаз.

Вдруг философ увидел жизнь, всё вранье, фальшь и лицемерие, которым сверху донизу было пропитано общество. Вова как будто вышел из своей философской «барокамеры».

Здесь же всё было искренне и откровенно. Обитатели дурки не стараются казаться кем-то и живут гораздо свободнее, чем общество за этими стенами. Медбрат стал пристально глядываться в судьбы своих подопечных.

Вот йог Николай, который был инженером в той жизни, но увлекся одним индийским учением, съездив туда в командировку. После чего жена упекла его подальше, чтоб не мешал ей жить и строить карьеру в профсоюзных коридорах.

Потомственный астроном Феррага, который открыл нечто в космических сущностях, что шло вразрез с официальной астрономией. Астроном чуть не покончил с собой, и уж много лет может наблюдать свои звезды лишь через зарешеченное окошко.

Коллега-философ и поэт - Саша Старцев, пишущий иногда тексты для подпольной группы «Аквариум», друг набирающего популярность Гребенщикова. Почему-то до сих пор этого БГ ещё сюда не определили? Недоработка...

И таких здесь много.

Медбрат, конечно, сравнивал себя с чеховским доктором Рагиным из «Палаты №6» и в самой малости находил сходство, но только в плане устройства общества. Вова, в отличие от литературного героя, был человеком очень прагматичным, тверд духом и характером.

Посчитав все эти мысли нужным и просто необходимым человечеству открытием, философ стал излагать открытие на бумаге в виде научной работы.

Трудился долго и обстоятельно. Научное эссе получилось небольшим по объему, но парадоксальным по содержанию. Подтвержденная разными научно-философскими доводами, в статье излагалась мысль, что всё человеческое общество – это многоуровневая искусственная социально-архитектурная модель. Вова доказывал, что «Человек Настоящий» сохранился лишь здесь - в дурдоме. Труд внушал уважение своей ницшеанской глубиной.

Философ Иванов решил опубликовать своё открытие. Дефицита в связях с инакомыслящими не было, и статья была передана «туда». Где-то через полгода её опубликовали в каком-то шибко научно-философском журнале. Статья стала короткой научной сенсацией в очень узких западных философских кругах. Но не настолько узких, чтоб не дошло «куда следует».

В коммуналку к Вове пришли хорошо и дорого одетые люди и очень вежливо побеседовали с ним «по душам и без протокола», а через неделю Вову скрутили прямо на рабочем месте коллеги-медбратья с других отделений. Он и не сопротивлялся почти. Ему

всадили сульфазин-«серу» аж в четыре точки, по-максимуму, и уложили в свою же надзорную палату. Судьба чеховского доктора не миновала и Вову.

Когда он отошел от «серы», главврач Марианна Абрамовна без обиняков ему объяснила, что думать и говорить здесь он может, что вздумается (она так тоже кстати думает), а вот выходить за границы этой свободы не следует....

«Не нужно забывать, кто у нас кураторы...»- подытожила мудрый врач.

Вова был умным и практичным человеком, всё понял, и его выписали месяца через три. Как раз по весне, когда забурлила с весенними ручьями «хласность», и «серьезным» людям стало не до философа-одиночки. Другого масштаба вопросы назревали.

Медбрат тихо-мирно оформил пенсию за выслугу лет «на вредном производстве» и на скопленные за долгие годы деньги купил дом в деревеньке из пяти дворов где-то за Лугой. Там он занялся огородничеством и пчеловодством, пребывая в радостно-философском состоянии, удивляясь новому для себя ощущению внутренней свободы...